

Людмила Колодяжная

РАСКАЧАЕМ СЛОВА КОЛОКОЛЬЧИК

Избранные стихотворения 2002 – 2003

Москва, 2003

© Колодяжная Л. – автор, 2003

Оглавление разделов книги

**РАСКАЧАЕМ СЛОВА КОЛОКОЛЬЧИК
Я ПРОШЛА БЫ СКВОЗЬ ДЕНЬ
ГОЛОС ТВОЙ ШЕЛКОВИНКОЙ-ЗАКЛАДКОЙ
БРОДИЛИ ПО ДАЛЯМ ЭДЕМА
А Я – В ТОЛПЕ УЧЕНИЦ
И НА ЛУЧ ПОЙМАЕТ ВЗГЛЯД – ЗВЕЗДА
ТЫ СТОИШЬ, ОТРИНУТ, В СТАРИНЕ НАРЯДНОЙ
ВДОЛЬ ОКЛАДОВ ПРЯДИ ВИТЫЕ
КИПАРИСНАЯ ВЕХА СТЫНЕТ
ВХОД В ОДИНОКИЙ РАЙ
ЛУННАЯ ЛАДЬЯ-ЛАДОНЬ
К СТАРИННЫМ ПУТЯМ – ВЕРСТА
СТРАНИЦЫ ПАРУС
СТРОКИ ВЗДРОГНУЛИ ДУГАМИ
СЮЖЕТ ВСЕГДА ОДИНАКОВ**

РАСКАЧАЕМ СЛОВА КОЛОКОЛЬЧИК

***** “Помогайте звонари, я устал...”**
В. Хлебников

Как рубец морозной розной ночи,
полумесяц венчиком из стали,
раскачаем Слова колокольчик,
звонари помогут, коль устанем.

Звук печалью разорвет улыбку,
укорит набатом, вещим, вечным,
язычок в нем – серебристой рыбкой,
голос не похож на человеческий,

очертаньем чаши полузыбкой,
с колокольни-звонницы на площадь
упадет, и в трещине-улыбке
ветер – хриплый голос прополощет.

Звонари помогут, коль устанем,
нескончаем Слова колокольчик...
Полумесяц-ободок из стали,
как рубец венца морозной ночи...

***** В кроткую роль вступая**

В кроткую роль вступая,
порою, душа без риска
подходит. Влага святая
глаз твоих плещет близко.

Порою вечерней увидишь
в глазах, освещенных скупю,
лампада плывет, иль Китеж
свой опрокинул купол.

Порой, будто слышишь стоны,
колокол, ангела трубы,
словно в глазах, от иконы,
крест отражается грубый.

Порой, сердце падает, падает
в глаза твои, не остановится –
там розовеет лампада
пред образом Богородицы...

***** Снова там загорелась мгла,**
*“Эти серебристые колокола звенят
долгими нотами особенно
чистого тона... И будто я бегу на этот
зов...” Иван Ефремов. Час быка.*

Снова там загорелась мгла,
сумрак тающий стал лучистым,
словно – прошлого колокола

перешли на плач серебристый.

Где ты слышал такой же тон,
ноты длинные, зовы чистые,

день, качнувшийся, как дин-дон –
слух туда, вспоминая, мчится,

пробирается сквозь туман,
кисею над рекою редкую,

пробирается сквозь обман,
свитый ивой, чуть сбитый веткой.

Снова ты сквозь рассвет бежишь,
сбросив жизни прошедшей бремя,

понимая – ведь ты стоишь,
а бежит пред тобою – время...

Я ПРОШЛА БЫ СКВОЗЬ ДЕНЬ

*** * * Я прошла бы сквозь день**

Я прошла бы сквозь день,
а тебе уступила
бедную келью с кленом в бездне оконной,

чтобы тень твоя в тесноте стены проступила –

отступающей в тень
фреской иконною.

Я б тебе отдала – лет
тишину просторную,
чтобы голос вернулся – не твой, а чей-то,

чтобы он набирал высоту проворно,
как бегущая вслед
за далью флейта.

Я б словам твоим-гонцам
освободила в тетради
строку, цветущую между нами границей,

я б тебе уступала пядь за пядью –
до конца жизни, до конца
страницы...

*** * * Свет мой, меньше, чем розовый**

Свет мой, меньше, чем розовый,
день увенчает легко,
утром – изменчивой прозой,
ночью – извечным стихом...

Свет, что не может присниться,
свет, растревоженный сном,
из грубой слюды страницы
выдохнувший – излом

строки, что дарю на время –
тебе, чтобы мысли шаг,
из выси ласточек-теней,
вернулся к тебе, спеша,

став осторожной грёзой,
молитвою, что легко,
качнувшись кусочком прозы,
оканчивается – стихом,

остановившим время,
прошедшее над тобой,
чтоб мысли твои, как тени,
сошлись над моей тропой...

***** День твой чужою улыбкой пронизан**

День твой чужою улыбкой пронизан,
значит и мне – улыбнуться нынче,
чтобы капризной волной Моны Лизы,
день сошел с полотна да'Винчи.

Ясный твой вечер прошит чужою
песней, уколами слов по шелку,
праздно твоей овладевши душою –
чтоб моему рассказу умолкнуть,
чтобы овалом звука чужого
был черный шелк твоей жизни вышит,

чтобы к словам моим с неба ночного
стражник слов, осторожный, вышел.

День мой твоею улыбкою взвинчен,
сумрак – кольцом, жгутом анаконды,
чтобы с холщовой ткани да'Винчи
ночь ускользнула бы Джиокондой.

Ветер на круги чужие стелется,
в круги пройдя неразрывные наши,
все же – глагола усталого мельница
крыльями наших ангелов машет...

***** В четырнадцатый день**

В четырнадцатый день,
весеннею ночью нисана,
возьму я посоха тень,
чтоб выйти тенью туманной.

По медленной самой из троп –
от порога, стертого ветром,
строку окропит иссоп,
и слово останется жертвой.

Но мне не оттянет плеч
груз твоей скорби дорожной,
все, что смогу увлечь –
узел строк осторожных.

Все, что смогу пронести,
жар строки не остынет,
если – перевести
слова на язык пустыни.

Тенью уйдя от теней,
ангелом став изгнанья,
через пустыню дней,
выдержав срок испытанья.

Выйти из тьмы, во мгле,
небесной насытись манной,
чтобы прийти к земле –
тобою обетованной.

От тьмы египетской прочь,
с посохом твоим, тенью
выйти в нисана ночь,
четырнадцатую, весеннюю...

***** Путь уступая мгле, сладит с тенями день**

Путь уступая мгле,
сладит с тенями день.
Склонишься ты, твоя тень
замрет на моем челе.

Жалит сердца цветок
пчела тоски, что легка.

Тень твоя – высока,
но достигим виток –

натянутой, как тетива,
итог подводящей строки,
верной движенью руки,
вздорг – и летят слова,

в твою склоненную тень
тоски направляя стрелу,
чтоб проступил сквозь мглу –
теньям уступивший день.

Чтобы нашла исток
в сердце тоски пчела.
Чтоб моего чела
тенью коснулся цветок...

***** День Рождества Господня**

День Рождества Господня,
тень колыбельная снится,
рождается Слово сегодня
в мире, в сердце, в странице.

Так Слово рождалось когда-то
в холмах Иудеи далекой...
Над царством тем тридевятым
луч был взнесен высокий.

Рождается Бог в человеке,
чтоб крепи молитвы строфы,
чтоб дни восходили как вехи
от Рождества, до Голгофы.

Чтоб ты уходил на муку,
на проповедь в светлом хитоне,
и в бурю протягивал руку
тому кто, не веруя, тонет...

ГОЛОС ТВОЙ ШЕЛКОВИНКОЙ-ЗАКЛАДКОЙ

***** Голос твой шелковинкой-закладкой**

*“А на обложке – надпись Творца...”
Велимир Хлебников*

Голос твой шелковинкой-закладкой
в книге единой – о нас, в страницах,
там, где написано кратко и гладко
все, что о жизни нашей приснится.

Звездным вечером розно никнем
над чьим-то томом, мыслью неспраздной,
читаем одну бесконечную книгу,
думаем вечно, прочтя – о разном.

Перелетает страница-странница,
клад охраняет граница-закладочка,
к вечеру тень от страницы сгибается
черным крылом погубленной бабочки.

Наших имен письма голубые
луч подчеркнет ненадежной дорожкой,
судьбы из книг выбираем любые –
надпись Творца, прочтя на обложке...

*** **Голос – отголоском...**

Нимбом – удлинится лицо
на иконе, голос – отголоском...
Свечка освещает озерцо
талой крови гибнущего воска.

Ты, душа, без помощи – слаба,
слогом округляешь дни неверно,
без молитвы – робкая раба,
слух пуглив твой, северная серна.

Вянет страха сорная трава,
ставши тьмой... Но тень не заслонила
ставшие ступенями слова
той молитвы, что душа хранила.
Заглушенные молитвой, дни
глохнут вздохом ночи в безвременье,
в час, когда, душа, тебе сродни –

Нимбов трех воздушное склоненье.

Смертный страх – до смерти не утих,
слово на устах молитвой свежей
слух твой осторожный снова режет –
дань печальных ангелов твоих...

*** * * Окована голосом птицы**

Окована голосом птицы
минутная стрелка луча...
Спадая, скользит по странице
повесть, еще ничья,
складками строк томится,
в полночи, как парча.

На луч нанизан стеклярус
капли... Метит в мель
облака вечный парус,
гаснущий, как форель.

Слово к слову приложим,
музы сети сплетут
из наших, неосторожных
слов, на ветку брошен
той тишины лоскут,
что уже не тревожит.
Ветви поют уютно,
марта азартней апрель,
льется востока лютня,

бьется в ледок форель.

***** Голос льется, за ним бы**

Голос льется, за ним бы –
укрощающим зло...
Обнимающим нимбом –
прядей взрыв над челом.

От рождения вьется
над лицом цепь колец,
каждый волос вольется
в жгут – закатный венец.

Жизнь – карнизом по кругу,
в центре – Божьи уста,
но нанизаны руки
на уступы креста.

Все же – Божья порода
от рожденья дана,
но второю природой
ворожит сатана.

В сад распахнуты двери,
змей, развившись, молчит,
страж-апостол, по вере,
доверяет ключи.

Ты войдешь ты очнешься,
скрипнет дверь за тобой,
ты, как ангел, качнешься,
встав над чьей-то судьбой...

***** Я хочу, чтобы голос твой сник тишиною**

*“И сказала Далида Самсону:
скажи мне, в чем великая сила твоя...?”
Суд., гл.16*

Ты уснешь на коленях моих, а под утро
оплету твою душу ночью строкою,
но веселым Самсоном ты рвешь мои путы,
строки вянут как стебли под сильной рукою.

Голос твой в тишине пролагает долину,
я иду по ручьям, отражаясь в бездонных,
я иду за тобою бессонной Далилой,
чтоб тебя разгадать, как Далила Самсона.

Ты поющей тропой прорастаешь мне в душу,
голос твой, словно волос, и в нем твоя сила,
потому и не рву, чтобы слушать и слушать,
чтоб тебя разгадать, как Самсона Далила.

Я хочу, чтобы голос твой сник тишиною,
чтобы стала свободна я, тайной владея,
чтобы ты потерял свою власть надо мною,

как лишенный кудрей Судия иудеев...

***** Голос – утешительная ложь**

“О! как ты позовешь тревожно...”

А. Ахматова

Ты ль меня тревожно позовешь
чтоб о пустяках поведать вкратце...

Голос – утешительная ложь,
если жизнь – в венке галлюцинаций.

Ложью слаженной утешен слух,
в память сложенную осторожно,

чтобы выбрать зло одно из двух –
тишину, или твой зов тревожный.

Кто ж – непоправимо виноват
в тишине любви, в исчезновенье?

Голос дальний отыщу как клад,
мне открытый на одно мгновенье.

А в ларце оставлю, как залог,
тишину моей души бессмертной,

в лавровом венке забытых строк,
в том венце, что неразлучен с жертвой.

БРОДИЛИ ПО ДАЛЯМ ЭДЕМА

*** Бродили по далям Эдема

Про то, что друг другу скажем –
не говори с другими,

под нежною пыткой даже,
узами связан тугими.

Ты знаешь – дни, исчезая,
слова оставляют веские,

вслед за душой взлетая,
музыкой став небесной,

прощальным разбивши жестом
жизнь на неравные дольки –

в одной остывает блаженство,
в другой – пустота и только...

В той, первой, где были неправы –
бродили по далям эдема...

Теперь, уловленные славой,
не понимаем – где мы...

***** На две дали страницу деля**

Из опасных глаз твоих, глаз сухих,
не напрасен взгляд, взгляд-огонь.

Три десятка букв твоей азбуки –
горсть, закинута в ладонь.

Я из букв сплету веток-строчек жгут,
на две дали страницу деля.

Одна даль – твоя, там мой путь сожгут,
а вторая – ничья земля.

По ничьей земле каждый шаг твой скуп,
затихает, ахнув, молва.

В лунку, в шаг твой, след горсть закину букв,
чтобы славой росли слова.

Чтобы глаз сухих утихал огонь,
мой опасный друг, дальний гость...

Уходя с земли, разожму ладонь,
три десятка букв – твоя горсть.

***** Даль осилить можно...**

“Пусть идем мы разными путями...”

М. Кузмин

Мы шагов стезжками
стушевать не сможем
даль... Забросим камень –
пламень возвратится,

над твоим оконцем
всходит осторожно
брошенное солнце,
над моим – садится.

Две неравных части,
счастье так двоится...
Надо мною – властен,
но и ты – мой пленник,

и любовь скупая слепо
возродится,
как из пены пепла,
опаленный феникс.

Скованы незримо
строками-цепями,
словно паутиной,
даль – пустое бремя,

образ твой, как Божий,
в ребрах, словно в раме,
даль осилить можно,

превозмочь бы – время...

***** Сталь иглы, или даль луча**

Странники мы, так задумал Господь,
по строкам торопимся снова –

к странице мысли тень приколоть
золотою булавкой слова.
Сталь иглы, или даль луча
равно осветит жилище,

лишь бы страница была горяча,
как царство которое ищем.

Быль всегда превращается в боль,
хора превыше – соло,

пепел в ладони похож на соль,
сердце – звезды осколок.

В вечности – жизнью оставленный хлам
станет хламидой мгновенно,

когда расставят по разным углам –
нас во вселенной....

***** Даль не ведая, в даль отведи**

Даль не ведая, в даль отведи,

горизонт твой горит окраиной,
дом твой, дерево посреди,
твердь земли, называемой раем.

Ветер вертит слова... Не спеши –
здесь оглянется жизни легенда,
холодком ночным пробежит
между нами змеиная лента.
Утром – Бог пройдет вдалеке...
Но душа очнется, срываясь,
и запретный прильнет к руке
круглый плод, в ладони скрываясь.

Как бессмертье, начнется ночь –
и окончится смертным аккордом...
Кроткий Бог не сможет помочь
нам, уже одиноким и гордым...

А Я – В ТОЛПЕ УЧЕНИЦ

***** А я – в толпе учениц...**

*“Что говорю вам в темноте,
говорите при свете...” От Мтф, гл. 10*

В днях, обвитых лентой оков
победно-шумящих лет,
ты – видишься в тоге учеников,
идущих Ему во след,

в дорогу берущих пустую суму,
без золота, без серебра,
в дорогу, ведущую через тьму
по заповедям добра,

где, словно агнец ты, среди волков,
кротчайший голубь среди птиц,
ты – в грустной горстке учеников,
а я – в толпе учениц...

И все, что Он сказал в темноте,
при свете ты повторишь,
строка твоя подобна черте
над пропастью, где стоишь...

И я уже счет теряю годам,
где свет твой сквозь бытие
мне светит... Душу свою отдам,
чтоб вновь обрести ее.

Развернуты мысли твои в слова,
но взглядом о них скажи,
и я пройду с тобой поприща два –
до самой смертной межи...

***** А я – лишь только ученица**

“Ты первый, вставший у источника...” А. Ахматова

Ты – ангел, вставший у источника,
рисунок четких крыл двоится,
а я – лишь только ученица –
поющих слов строки проточной.

Мы в вечность шли тропой овечьей,
к стене, с часовнею надвратной,
родник с твоей сливался речью,
к молчанью не было возврата.

Свинцовый перстень врос подковой –
тобой подарен был однажды –
в моем я заблудилась слове,
не утолив в пустыне жажды.

В приют короткий встреч случайных
мы шли овечью тропкою –
я сохраняю холод тайный
минут, отсчитанных тобою.

И не стираю впечатлений,
чтоб наших теней вереницы
прошли к источнику видений,
к началу родника страницы.

Где ты – источника хранитель,
двоится четких крыл рисунок,
а я – лишь ученицей юной –

послушных строк скрепляю нити...

***** Иоанн-ученик**

Ночи клочок отрезает –
лунного нимба пила.
Долго толпу отрезвляет
омыванием рук Пилат,

приговор произносит еле –
первосвященники ждут.

Стража одежды делит,
в неправедный веря суд.

К скату Голгофы скатертью
пыли лоскут приник.
Меж Магдалиной и Матерью –
Иоанн-ученик.

Крест превращается в старый
Божий горящий куст.

Устам достается даром
уксус – бессмертия вкус...

***** Брат ли, Учитель, Бог...**

“Иоанна руки, как крылья,

Висят по плечам Христа.” М. Цветаева

В той опустелой келье
облака рос туман,
крылья дверей запели,
пал пред Христом Иоанн.

Преображенный странник
переступил порог,
не различить в тумане –
брат ли, учитель, Бог...

В свете утреннем скудном
встал Открывающий путь,
Иоанновы кудри
перетекли на грудь,

переплетались с речью,
полнящей пустоту,
крыльями пали на плечи
Иоанновы руки – Христу,

застыли тенью нерезкой
над туманным плечом,
облаком стали, фреской,
вспыхнувшей под лучом...

***** Чтоб каждый луч бежал пред тенью ученика**

Преображенья зрел

час, как в ночи свеча,
чтоб каждый луч успел
вспыхнуть от друга-луча,

чтоб каждый луч-штрих
в нишу-жилку попал,
чтоб на иконе затих
чертой, что провел Феофан,

чтоб каждый луч держал
фрески блеск на века,
чтоб каждый луч бежал
перед тенью ученика,

которого Феофан
простер перед Господом ниц
(Иаков, Петр, Иоанн)
так, что овалы лиц

навечно освещены
в Преображенья час –
час ночной тишины,
зреющей, как свеча...

***** Ангел-наставник**

В вечность смотришь издалека,

взгляд не дает осечки,
вечно, под вечер, скользит строка
шелковой уздечкой.

Облако слов моих у ворот
ясного Рая – гаснет,
ангел-жокей под уздцы берет –
ученика-Пегаса.

Тетрадь крылата, и даже – дом,
если раскрыты ставни,
крылья складывать снежным холмом –
учит ангел-наставник.

Снег осторожно смешан с листвой,
свежей лыжни загадка.
В днях-страницах – лишь голос твой
служит лучом-закладкой...

***** Учениками – из веток строятся новые кущи**

Дни тянутся, как дороги,
от порогов домов невзрачных.
Дни сходятся в августе строгом –
к Преображенью прозрачному.

Дыханье становится легче
в часы вечеров прохладных,
тени очерчены резче

кистью небес отрадных.

Тени ласточек смело
ныряют в дали-просторы...
Странник окутан белым
облаком над Фавором.

Прежним законам ветхим
срок короткий отпущен,
Учениками – из веток
строятся новые кущи.

Прежняя жизнь за плечами
рвется котомкой ветхой –

в день – вознесенный лучами
Несотворенного света...

И НА ЛУЧ ПОЙМАЕТ ВЗГЛЯД – ЗВЕЗДА

***** И на луч поймает взгляд – звезда**

*“Я только запомнил каштановых
прядей осечки...” Осип Мандельштам*

Занавес несправедного дня,
в устном слове – ве́щая усталость,
та, что на губах твоих осталась

от янтарной сухости огня –

уст родных (отныне, навсегда,
сердца стук не делает осечки),
но качнется ночью отблеск млечный,
и на луч поймает взгляд – звезда.

Вспомнишь прядь каштановую крон,
вдоль проулка, где прошла ты, слева,
вспомнишь шепот в келье, шелк, да трон –
там на миг взошла ты королевой,

там пришел каштанов цвет на ум,
капор снега лепестков упавших,
шаг, от жизни навсегда отставший,
вечных мельниц, струн, да клавиш шум...

Занавеска праведного дня,
слово вещее уже сгорело в споре,
на губах придымленная горечь
от янтарной сухости огня.

***** Ризу сшивает лучом летучим...**

Уста разомкнув словами разлуки,

сердце молиться еще не устало,
не ослабели к усилиям руки,
жизнь страницы не долистала.

Весомы слова, что падут отвесно,
смыслом налившись, волнующе-точным,
к словам – обернемся птицей небесной,
к путям сновидений, воздушных, непрочных.

Вспомним, странник, о тех, кто не ищет
земного праха, как птаха беспечен,
словесные веси – его жилище,
и нищей – душа отойдет навечно,

тела темницу бездельем замучив,
в дали, где голос твой – тихой наградой,
ризу сшивает лучом летучим,
взяв рисунок с земной заплаты...

***** Луч нарядный твоей высоты**

Ответа страница – граница беды,
душе от вести тесн'о,
как долго ждать осколка звезды,
чтобы прочесть письмо.

“Песни песней” сдвоенный лист,
честно освоенные пути,
ступив на которые, мой арфист,

легко в зазор зазеркалья войти.

Слова твои доверю, вручу
медленному ему –
поздней звезды ледяному лучу,
стянувшему тьму и тьму.

Луч – ответ случайный, “ничто”,
луч – пронзающий рок,
луч-завет, освещающий то,
что зовет между строк –

слов в луче клубящемся взвесь,
горсть, островок в тишине,
опаляющих жизнь, как весть,
плеском в апрельском дне –

слов, уста без которых пусты,
как взгляд, утерявший звезду...
Луч нарядный твоей высоты,
взвитой – мне на беду...

***** Я жизнь держу – лучом молитвы**

По выражу

слова ввысь взвиты.

Я жизнь держу –
лучом молитвы.

Земная речь
стекает в землю.

Куда ж ей течь?
Ей – Бог не внимлет.

А – ночь... Очнись,
очнись же ночью.

Уходят в высь
молитвы: “Отче...”

Небесный холст –
не стынет в проруби.

Летят до звезд
молитвы-голуби.

*** **Луч Успенья**

На части две быль разделя –

небесную, земную – знаю,
Успенья Твоего земля
там, где иконы даль резная...

Я перед ней в мольбе, без слов,
в день грустный августа склоняюсь,
считая, скольких облаков
апостольских расправлен парус,

там, где спешит за братом брат
из разных стран, земель и весей –
небесный счет земных утрат,
пытаясь разгадать и взвесить

в тот час, когда колокола
к рыданью перешли от пенья,
когда с земли слетела мгла,
смущенная лучом Успенья,

когда стал ангела высок –
склоненный к Деве стан лучистый,

когда остался поясок
в цветах, во гробе – от Пречистой...

***** Луч солнца утра час установил**

“...прошли времена

Паоло и Франческа...” А. Блок

Луч солнца утра час установил,
отпела капля дальнего металла,
и разум-франт строку из Данта свил:
“Потом Франческа больше не читала...”

Страсть разомкнула створки ловких рук –
забыла, что вначале: вздох иль слово,
теперь лишь тень ее обходит круг
Долгий Ада... Вслед за ней – Паоло.

А нам с тобой в каком кругу гореть? –
не предпочтем ли вечную разлуку,
ведь мы уже не сможем умереть
от страха и от нежности друг к другу.

И между нами траурно лежат
круги неодолимого пространства,
которые я пересечь должна,
чтобы обречь тебя – на постоянство...

ТЫ СТОИШЬ, ОТРИНУТ, В СТАРИНЕ НАРЯДНОЙ

***** Ты стоишь, отринут, в старине нарядной**

Встречей двух голосов
там когда-то простор
одарили
мы, не зная, что вновь –
не делить ни простора, ни
крова,
голос твой отражается кровлею
храма Марии,
мой – летит над землею,
завешенной снежным
покровом.

Santa, Santa Maria! –
древней не найти
литургии,
там твой голос в молитве
замедлит на возгласе
“Отче!”,
в белоснежном осколке
подворья Антиохии...
Звук изранит иголкой
память, тропинку прострочит.

Встречей двух голосов
там когда-то простор
одарили
мы, не зная, что вновь –
не делить ни простора, ни
крова,

У страниц моих крылья подрезаны, чтобы
на родном языке – не плыла к тебе – грусть...

***** Дерево тебя в пути встретит**

Дерево тебя в пути встретит,
даже если горизонт пуст,
и в рассеянной дали огнем засветит,
словно моисеевый куст.

Слово твое с тишиной ждет встречи,
речь обжигает прохладу уст,
молитвы забытой всегда вечен
неистребимый временем вкус.

Капля слова прошьет дробинкой
твою осеннюю тишину.
Молитва горбится горной тропинкой
в давно покинутую страну.

Ты вспоминаешь о ней между прочим,
стирая на зеркале дальний мираж.
Сквозь речь чужую твой слух морочит
навсегда выученное “Отче наш...”

Дерево детства тебя встретит,
даже если пуст отчий дом.
Сквозь окна разбитые дерево светит
дальней лучиной, свечою, огнем...

***** Вечен Город, который вечно творим**

Одна на двоих – не велика беда...
Вечен Город, который вечно творим.

Над провалом цирка царит звезда –
но не об этом с тобой говорим...

Узел коллизий – Колизея петля,
шорох прошлого временем стерт.
В этих стенах стенали – Учителя,
и быть может даже апостол Петр,

подбирая к лучшему раю ключи –
а его поджидал перевернутый крест...

И в раю Петр слышит как петел кричит
и в раю он помнит предательский жест...

Посох сломан, зато осталась сума.
Пред церковной свечою душою горим.

Пепел Города – соль на семи холмах,
и далече от Третьего первый Рим.

Дальше нет земли – по которой ступать,
даже ели походка осталась легка,

значит строки мои потекут вспять,

и в себя их примет времен река...

***** Я помню о тебе вечно**

У тебя – жизни хмель, да над каждым
цветком – шм'ели, у меня – оводы.

Жадною речью не утолить жажду
слова – но рада посланью-поводу.

У тебя – веселье июльски-лунное,
у меня – сосны, метели...

И строка, что плелась-вилась р'уном,
стала струн твоих тяжелее.

Но и ты не похож на нашедшего
хотя бы одну подкову.

А я – давно склоняю в прошедшем
известные нам глаголы.

И в час тот, когда воздается по вере,
и делом становится слово,

даже твоя скоба над дверью
зарастает овалом терновым.

И все же, в далекой твоей отчизне

я помню о тебе вечно –

не утоленная хмелем жизни,
но только – твоею речью...

***** Тосканские холмы**

*“Городок наш расположен на холме,
вокруг чудесный тосканский пейзаж...”
Письмо из Италии*

Тосканские холмы,
не виденные мною
встают из ранней тьмы,
ранимы тишиною.

Тосканские холмы
окутаны тоскою,
их бросил Бог из тьмы
ленивою рукою.

Тосканскою волной
все далее и далее
затоплен летний зной
чуть ветреной Италии.

Тосканской синевой,
чуть серебристо-сизой,
тоскует город твой,
где жил Франциск – Ассизы...

Тосканскою грядой
твой горизонт подчеркнут,
московскою бедой
мой путь к тебе – зачеркнут...

***** Пыль парижских седых тротуаров**

Рыжий отблеск печали о прошлом
золотым оседает загаром,
серебрится, свежа, на подошвах
пыль парижских седых тротуаров.

Кто-то счёл тяжесть храма недоброй...
В небесах – камень кружевом стынет,
и парит на чудовищных ребрах
Нотр-Дама святая твердыня.

От нее – разбегается, дразнит –
вдоль реки чуть картавым прибоем
шум толпы, образующий праздник,
тот, который всегда с тобою.

На карнизах – чудовищ морды
смотрят вниз, от жары белея,
гордый всадник Генрих Четвертый
через время летит, зеленея.

Приближается первая осень,

оппадают, желтея, каштаны,
жаркий ветер листья разносит,
образуя ковёр нежданный.

Маршал Ней оживает мишенью –
взгляд в нее попадает сразу –
на скрещении Сен-Мишеля
и латинской стрелы Монпарнаса...

Память светится отблеском рыжим,
золотым покрываясь загаром,
серебрится пылью Парижа –
данью стертою тротуаров...

***** И речь велась о Париже**

Ни речи о том, чтобы встретиться,
молчание – тоже талант,
но каждой страницей светится
подаренный фолиант.
Сей свет – лишь малая толика
сиянья, угасшего в нас,
оставшегося над столиком –
от встречи, в прощанья час,
в случайном кафе на бульваре
(от Храма там виден Арбат),
нет-нет, мы не были парой,
скорее – сестра и брат...
Был наш разговор чуть слышен,
подобен глухой молве,

и речь велась о Париже,
а думалось – о Москве.
И Вы растворялись в аллее,
в течение встречной толпы,
а я шептала – жалею,
что нет мне попутной тропы...

Осталось – цветка дрожанье,
на веточке – бабочки бант,
осталось – страниц шуршанье –
подаренный фолиант.

ВДОЛЬ ОКЛАДОВ ПРЯДИ ВИТЫЕ

***** Вдоль окладов пряди витые**

Вдоль окладов пряди витые,
из глубин иконных глядят –

твоей кисти – живые святые,
отпуская меня в закат.

Божий образ трижды прославлен,
на иконе – следы мольбы,

в доме, что навсегда оставлен
для единственной узкой тропы.

Вслед за мною твой путь проляжет,

вслед за днями продлятся дни,

нас единою цепью свяжет
той тропы над обрывом нить,

где мольбы оборвутся звуки,
где останется тот, кто свят...

Ты идешь к горизонту разлуки,
отпуская меня в закат...

***** Как во храме, стоишь со свечою**

Как во храме, стоишь
со свечою,
на земле – себе не нужна,
но отмечена лишь
мечтою,
рядом с жизнью, что сожжена.

Ты обиду простишь
вчерашнюю,
деревянный целуя оклад,
на икону глядишь
бесстрашно,
Богородицы встретив взгляд.
Словно взгляд
Ее повторяя,
пред распятым стоишь до зари,
на пол капли

воска роняя,
тоже – светишься изнутри...

Но когда
молитвы пропеты,
по растущей уходишь тропе,
вспоминая – всегда,
до рассвета,
кто-то молится – о тебе...

***** Светятся фреской на стенах вечных**

Ты был отроком... Вспомнишь разве,
когда ты скопировал ту икону –

на райских к'онях едут два князя,
в красном кафтане, в кафтане зеленом –

цвета юности, цвета выси,
цвета – убитых невинно, нелепо,

плащ, иль риза? – на князе Борисе,
риза, иль плащ? – на князе Глебе.

Едут – ставшие вмиг святыми,
светятся фреской на стенах вечных –
брат убиенный на речке Смядыни,
брат убиенный на Альте-речке.

Страстотерпцы, первые вехи –

их на узких дорогах ставили,

видно ангелы, видно навеки,
против каинов – русских Авелей...

***** Прикладываются к иконе, пройдя пустоту, уста**

Пост – тянется, словно дорога,
к пологим библейским холмам,
и смотришь на вещи строго,
и делишь – что дар, что хлам...

Молитва растет из печалей,
речами вознесена,
как вечность, или случайность
подкрадывается зима.

Прикладываются к иконе,
пройдя пустоту уста,
луч падает на подоконник,
и слово спадает с листа.

Все ловишь луча случайный,
далекий млечный укол,
страницу лечишь речами,
и мечешь свечи на стол...

***** От Бога – звездный исходит свет**

Ворсом снежным в келье
нежно зарос порог,

на Никольей неделе
медлит в овале – Бог.

В Бога – тебе верится,
в голос твой – мне,
в зале овальном – деревце
хвойное, в тишине,

деревце жизни нашей,
срубленное вчера,
хвоя падает в чаши,
полные по вечерам,

скатерти строгая тога
тянется на паркет,
с темной иконы – от Бога
звездный исходит свет...

***** Божья Матерь иконой меж ветвям горит**

*“В глубине дремучего леса <...>
всходил он на гранитный камень,
для усиления своего молитвенного
подвига.”*

Житие святого Серафима Саровского

Тропки хвойные колки,
Божья Матерь хранит,
всходит старец как столпник,
на высокий гранит,

пень, валун, дикий камень –
вот основа поста,
но молитвенный пламень
обжигает уста.

Ствол сосновый просторный
янтарями дарит,
Божья Мать иконой
меж ветвям горит.

Зов молитвенный скуден,
но велик – в тишине:
“Боже милостив буди,
буди – грешному мне”.

На груди крест железный,
жест мольбы – вознесен,
изнуренный телесно,
Старец – Духом спасен...

***** Жаркой фреской залатан угол**

Путь Тобою навек указан,
и не страшно тропы той бремя.
Ты андреевым “В силах Спасом”
разрываешь дощатое время.

Жаркой фреской залатан угол

даже если дом мой разрушен.
Ты врываешься Ликом смуглым,
опаляя сердце и душу.

Ты меня находишь повсюду
взглядом, даже за гранью горной...
В темноте, иль при свете скудном,
в тесноте, иль в раю просторном.

За Тобою ангелы б'осы
золотою клубятся толпою...
В ставни давних иконных д'осок
время, равное, бьет прибоем.

То далек ты, то снова – рядом,
то молчишь, то диктуешь строфы...

Знаю я, что проводишь взглядом
до конца тропы, до Голгофы...

КИПАРИСНАЯ ВЕХА СТЫНЕТ

***** Кипарисная вежа стынет**

Там – отраднй, смолистый, смуглй
клин иконы с каймой резною,

там – лампаднй прозрачнй угол,
пропускающй неземное.

Там – становятся стенок грани
продолженьем заоблачных линий,

там – в рассветной минуте ранней
кипарисная вежа стынет.

В час, растущий туманом белым,
вежа вновь протянется веткой,

в час, когда уже снято тело,
Бога, ставшего человеком.

Тень воскресшего кипариса
перечеркивает дорогу,

над которой – туман, как риза
человека, ставшего Богом

и упавшего Ликом смуглым
в плат иконы с каймой резною,

опалившей прозрачный угол,
пропускающий – неземное...

***** Веточки-вежи, задумчивой вспыхнут лютней**

Зимнее небо учит
ждать до рассвета – просвета,

в простор его – месяц колючий
пройдет, сеть срывая веток.

Подковою серпик скрепит
небесные тощие бреши,
ветвей ледяные цепи
совьются в рыбацкие верши.

И первым весенним уловом,
твой слух почти не задевшим,
окажется дальнее слово –
дань ангела пролетевшего.

Уловом довольны скудным,
в ответ ему – веточки-вехи,
задумчивой вспыхнут лютней,
откликнутся, словно эхо.

Очнется пространство вещее,
неверным доверившись трелям,
закружится, в нежных трещинах,
как лед, разбитый форелью...

***** Душа – еще верна путям воздушным...**

Душа – еще верна путям воздушным...
Ведешь меня, мой осторожный пастырь,

торопишь к выси по тропинкам душным
вдоль пропасти блаженств опасных.

Вечерних плачей-перекличек эхо
ты расставляешь с грустью недотроги
лучинами плакучих ив, как вехи,
венцами по излучинам дороги.

Когда-нибудь, дорог совьются пряди,
вплетутся в луговые дуги-травы,
и мы пройдем, невидимые, рядом,
и звездный луч к теням прильнет оправой.

Взовьется луч, скользя, клинком ненастья –
версту любви пройдем в изнеможеньи,
над высотой не теряя власти,
благословив, как жажду, миг движенья...

***** Рядом с березовой вехой**

Ледок аккуратный на лужицах,
мартовский свет неровный,
склонится душа послушницей
к великопостным канонам.
Восстанет странницей сирюю
рядом с березовой вехой –
слушать молитвы Сирина
Ефрема – четвертого века.

К посту – дом пустой прибираю,

тишину заполняя тихим
голосом, повторяю:
“Дней моих, жизни всей – Владыко...”
Тенью тянется, шепотом,
строка за строкою с печалью:
“Не дай мне, Владыко, чтобы –
дух властвовал любоначала,

постылого празднословья,
мои прегрешения зрети
дай мне, пусть брат мой – не ловится
в осуждения сети...”
Ледок аккуратный на лужицах
мартовским светом льется.
Склонится душа послушницей
к канонам великопостным.

***** Веха молитвы – ангела эхо**

Чьи-то глаза – в мои смотрятся строго,
полночь апрельская, в Пасху, свежа,
как колея, стала скользкой дорога,
как от порога – нельзя убежать.

Времени резвая речка мелеет,
резкою насыпью высится боль,
Что же я сделала? Совесть белеет,
как на дороге замерзшая соль.

Веха молитвы – ангела эхо,

в вешнем морозе ломается звук,
рыбьей укроешься ветошью-мехом –
петелька жизни рвется из рук.

Первая зелень скользнула вдоль сада,
сохнет на скатерти – охрой – кулич,
месяца венчик над бездною ада,
кто-то блаженен и счастлив, и нищ...

ВХОД В ОДИНОКИЙ РАЙ

*** * * Вход в одинокий рай**

Плачет Великий пост,
благовест-звон, играй! –
там, среди седых берёз,
вход в одинокий рай.

“Ду’ше, ду’ше моя!..” –
плачем прервется тишь,
влагой взорвется земля,
“Возстани, душа, что спишь?”

“Пом-ни!”, – поет благовест,
ангела вестью зовет,
там, среди берез-невест,
в райские веси – вход.

Возстани! Что спишь, душа? –

дней все ближе конец,
душные листья шуршат,
дужкой свивая венец.

Возстани от снов своих,
что тебе сны теперь? –
там, среди берез седых
в райскую долю дверь...

***** Словно в райской пустой аллее**

От стиха до стиха – в приметы,
словно жизнь – в летаргию лет,
словно вечность – в уют предметов,
погружен, безоружен, поэт.

От стиха до стиха умирает
строк строитель... Листы, черны,
словно дни, в гордыне сгорают,
не дождавшись дивных чернил.

От стиха до стиха белеют
на зрачках у ночи листки,
словно в райской пустой аллее
с древа-яблони лепестки.

От стиха до стиха – сквозная
ткань страницы знобится, легка,
и поэт, вычисляя, не знает
угол чистый строки-витка...

От стиха до стиха, словно к битве,
в строк кольчугу – вплетает мысль,
как святой, врачуясь молитвой –
чтобы слово вернулось в высь...

***** Рисуешь Рай, как тыл**

Что жизнь? – рисуешь Рай, как тыл,
судьбу плетешь, считая петли,

припоминая, кем ты был,
кто был с тобой, чему – свидетель,

зачем перо ведешь смычком
по нитям строк разноголосых,

где меж волокнами, знако'м,
свет лет – ответом на вопросы,

когда ответом на вопрос
пробьется мысли шелестенье –

о днях, летевших войском ос
вокруг тебя, венца творения.

Быль дней заучишь наизусть,
событий тень припоминая,

когда качнется, вызвав грусть,

сей жизни стержень – ось земная...

***** Уходим по райским неровным...**

“...заресничная страна...”
О. Мандельштам

В простор страны заресничной
уходим рука к руке,
на быстром, летучем, птичьем
легко говорим языке.

Уводимся в высь не по чину,
в страну без земных прикрас,
ангел со звездной лучиной
пастырем станет для нас.

В даль уходить не устанем –
сообщниками в любви,
облако храмом встанет –
на закатной крови.

Уходим по райским неровным,
заросшим травой путям,
кто-то лампаду в часовне
земной зажигает нам.
Свечу оставляем в храме-
облаке на крови...
Кто-то пойдет за нами –
сообщниками в любви...

ЛУННАЯ ЛАДЬЯ-ЛАДОНЬ

*** Лунная ладья-ладонь

Ладонью пересеку
бездонную воздуха гладь я,
берегом времени по песку
перенесу тоску,

лунная ладья-
ладонь причалит к твоему виску...
Ладонь – колыбель,
в которой тепло

щеке усталой,
помнишь, к ладоням влекло
голубей –
духов святых – из далей...

Помнишь, ладонь легко
разматывала клубочек-
путь к тебе, когда далеко
ты был, голубочек...

*** Та же ладья у причала

Я вещей была, ты – вежливым,
и был до поры – послушен,

терпел спокойно, насмешливо
судьбы дары-погремушки.

А тени наши, как фрески,
росли на вечернем паркете,
я знала судьбу Франчески,
ты – все остальное на свете.

Любовь, даже если бесцельна,
сродни остальным мытарствам,
теньями – мы б уцелели,
в каком-то подземном царстве,

где – та же ладья у причала,
хотя я в иное верю,
где – тень бы моя отвечала
какому-нибудь Алигьери,

о том, как судьбу губили,
вращали в быль без таланта,
и ты б кружил над Вергилием,
во тьму уводящим Данте...

***** Чтобы ладонь оставалась пуста и чиста**

Луч пролетает по ветке, как ветхий смычок,
и убегает в строку, в полотно, на бумагу...

Сквозь облака, ястребиного солнца зрачок
тянет из листьев последнюю ржавую влагу,

солнца зрачок теребит облака – ястребин,
луч устремляется вниз восхищенно и хищно,

чтобы склевать по одной эти запонки-капли рябин,
чтоб не осталось кровавого пятнышка лишнего,

чтобы ладонь оставалась пуста и чиста,
чтобы строкой ворковать над страничною створкой,

чтоб не узнали, от жажды уставши, уста,
как огрубели б они от оранжевой горсточки горькой,

чтоб мы с тобой, принимая осеннюю дань,
знали: утрата – случайной добычи изнанка –

чтоб перейдя бытия несравненную грань,
в гроздьях рябина тянулась на юг, северянка...

***** И скользнет к ладоням Плат простертый...**

Позову – молитвою без слов,
ты откликнешься – горячей речью...
Снежной скатертью падет Покров
на просторный стол короткой встречи.

Глянец окон... Взглянем, даль деля,

облако чуть сдвинет – вечный ветер...
Вздрагнем – как бела уже земля,
розовых берез развиты ветви...

Ангел чуть качнется на часах,
словно воин, вставший за околицей,
и пройдет в раскрытых небесах
по горящей кромке – Богородица.

Ты возьмешь Минеи, иль Триодь,
и тропарь откроешь: глас четвертый...
Кратким гимном отзовется свод,
и скользнет к ладоням Плат простертый...

***** Лист ладони кленовый**

Лист ладони кленовый,
вырезанный Творцом,
клонится ночью бездонной
над бессонным лицом.

Голосом ангельски-трубным
рубишь мою тишину,
ладонью встречаешь под утро
прядей моих волну.

Светочем став на мгновенье,
молишься в смуглой мгле.
От тебя в отдаленье –
веточка в хрустале.

Волнами благословенья
веет от слов на земле,
от неслышного пенья –
в горнице, в горней мгле.

Листья твоих ладоней,
слаженные Творцом,
нимбом кружат надо мною,
служат – венцом...

***** У меня вослед – ладонь**

Жизнь коснется смытой грани
бытия – небытия,
твой отказ – уже не ранит,
нет меня, коль нет тебя.

Разошлись пути-дорожки
в пустоту и в высоту,
прощевай, мой осторожный,
на распутье пережду.

Одиночество не ново,
твой отказ, да мой каприз,
отыскать бы только слово,
что волной смывает жизнь.

Покружив, сгорела горстка

слов, летевших на огонь,
у тебя – чужие версты,
у меня – вослед ладонь,

вознесенная для жеста,
осеняющего даль,
станет свято – пусто место,
серебро покроем сталь

тех зеркал, что помнят тени,
час, свивавший их в одну,
у тебя – в провал ступени,
у меня – в твою страну...

***** Ева – вновь обожжет ладонь**

Когда – от пути устанем,
станет неверным путь,
древом корявым встанем
в Раю ли, каком-нибудь,

упрутся упругие ветки
в какой-нибудь чистый свод,
Адам какой-нибудь ветхий
снимет с дерева плод,

по веткам весеннего древа
прошелестит огонь,
спутница жизни, Ева –
вновь обожжет ладонь...

Все – останется с нами –
дух ли, душа, иль плоть...
Все назовем именами,
если велит – Господь –

каждую точку тверди,
свой исполняя каприз,
снова, готовясь к смерти,
снова – идя на жизнь...

К СТАРИННЫМ ПУТЯМ – ВЕРСТА

*** К старинным путям – верста

Молитва всегда с листа
читается, с поля ветхого,
синей над ней высота,
иней вьется по веткам.

К старинным путям – верста,
к утренним травам – иней,
к материнским устам –
привита мольба о сыне.

За вёрстами – лысый холм,
Кедрон, голубая речка,
и казнь, словно праздник, днем –
наутро прибита дощечка.

Заря над горою, хмарь,
веток крест над рекою...
“Сын для матери – Царь...” –
синеет – одной строкою.

***** Луч тебе путь прочертит**

По лунной струне дороги,
речами шаги глуша,
уходим... От звездного дрогнет
укола твоя душа,

земные впитаются беды
в дорожный белесый песок,
и речь наша станет беседой,
в которой не важен итог,

и луч тебе путь прочертит,
засветится Млечный плат,
мы будем шептать о бессмертье,
которым бредил Пилат,

идуший той же дорогой,
где те же звезды окрест,
ведуший беседу с Богом,
Которого отдал на крест.

Уходим к вечному дому,

построенному на земле,
дорогой, ведущей к Слову,
которое светит во мгле.

***** Летний путь, словно в Лету – гибельный**

Летний путь, словно в Лету – гибельный,
только дождь утешительно жалит,
и крошится огрызок грифельный,
но дрожит строка на скрижали.

Строк – мучительно-святы оковы,
дождь елейный еле накапливает,
каждый вздох, как итог дневниковый,
темным грифелем нацарапанный.

Колыбельные зыбки св'иты
из полосок протяжно-лунных,
и плывет в каждой лунке Учитель
к фараоновой дщери юной...

Над Рассеею свет рассеян,
тот, что с тьмою борется где-то,
мы стоим, как народ моисеев
пред жестоким Божьим заветом.

Словно тенью, покрыты виною
дней разрозненные страницы.
Но береза горит Купиною,
чтобы свет остался на лицах...

***** Даль субботнего пути**

“не ваше дело знать времена или сроки...”
Деян., 1,7

Не наше дело знать сроки и времена...
Но – над Деяньями взгляд твой скл’онится,
и ты узнаешь Апостолов имена,
пришедших, взошедших в горницу.

В день, когда облако стало расти,
чтобы встать над горой Елеонской,
до которой – даль субботнего пути,
где вознесся Христос, где погасло солнце.

Где они пребывали: Петр, Иоанн, Андрей,
Филипп и Фома, Варфоломей, Иаков,
Симон Зилот, бывший мытарь Матфей,
Иуда (Иаков брат) и Алфеев Иаков.

И молились в горнице молитвой одной –
вместе с жен’ами, приносящими миро,
в час, когда земля, насыщенная виной,
на Божьих стопах уже не тяжелела гирей.

И разлуки с Вечностью уже узнали вкус,
вспоминая ангелов, что в облаке видели,
говоривших: “Вознесшийся от вас Иисус,
таким же образом к вам – приидет...”

***** Вслед за тобой – укажи пути**

Это ты – восходишь на ту гору
и зажигаешь светильник во тьме.
Луч разрывает облака штору,
и образ твой Божий растет во мне.

Лампадою светится сердце бедное,
то тише теплится, то горячей.
Что же молчишь ты, мой проповедник,
зная, что жду я твоих речей?

Ты же знаешь, земные мытарства
порознь нам суждено пройти,
знаешь, в любое пойду я царство
вслед за тобой – укажи пути.

Метель последняя, в доме душно,
ненужным пробелом тянутся дни...
Сделай же чудо – в игольное ушко
нить моей жизни, шутя, протяни...

***** Кто был на этом пути**

Я спешу, я пишу по-другому,
кто-то выжал из слова яд,

и строка округлилась дугою
под которою – Божий взгляд.

Продиктована без запинки
и записана начерно жизнь,
но осталась одна тропинка,
над которой иная высь,

над которой слово взлетело,
очертив словно ласточка круг,
в том кругу никнет Божье тело
на прозрачных запястьях рук,

там – распятые из кипариса,
Палестины пустыня окрест,
в том кругу только те, кто призван
повторить тот последний жест.

И по этой тропе велишь ты
мне к вечерней жертве идти,
каждым словом служа величью
тех, кто был на этом пути...

***** Steregi мой короткий путь**

Береги
серебристую иву,

стереги
мой короткий путь,
одевая оковы Иова
на меня – обо мне не забудь.

Твоим словом
строки прострочены,
твоим зовом
просрочена
жизнь,
пусть пути тобой укорочены,
ты вернуться к ним – не клянись.

Ноты жизни намечены вчерне,
строки чертим, на доли деля,
захлебнулась земная вечерня,
но вечерняя
всходит земля –

той звездой,
что стала ответом...
Над водою
чаши-холмы,
те, которые первым светом
отделил ты от первой тьмы...

МОЙ ПРИНЦ

*** **Мой Принц**

За престол, ты, мой принц, был продан,
но тропа за тропой спадала,
мне цветы попадались п'од руку,
и из них я венцы сплетала.

Вдоль ручья без речей бродила,
нареченная, в черном платье,
и венки оставляла ивам
на ветвях, на руках, на запястьях.

Вкус речей искалечен и горек,
и ручья прозрачно объятье,
но меня ты любил так, как сорок,
сорок тысяч – не смогут братьев.

И в последний круг ожерелья
я вплетала лилии влажные.
Только кликни – и лик Офелии
отзовется в заводи каждой.

Те венки, что для жизни св'иты
брось на смертное покрывало –
помнишь, голос мой рос в молитвах,
в час, когда тебя поминала...

***** Маленький Принц**

Приучи меня – к дальним звездам
и к ручьям лучей вдоль страниц.

Приучи меня – коль не поздно,
к редким встречам с тобою, Принц.

Приручи меня – тихой речью
о далеких твоих мирах.

Приручи меня – каждой встречей
отгоняя неверья страх.

Приручи меня – кротким смехом,
иногда похожим на плач.

Приручи меня – дальним эхом,
пусть вздохнет от шагов твой плащ.

Приручи меня – зорким сердцем,
чтоб строки серебрилась стезя.

Приручи меня – чистым детством,
о котором забыла я.

Приучи меня – к звездам дальним
и к ручьям лучей вдоль страниц.
Приучи меня – к той печальной,
к той последней разлуке, Принц...

***** Сандрильона**

В самой дальней сторожке

Золушка жарит картошку,
вечный – в печке огонь...

Фея берет осторожно
Золушкину ладонь.

Крошка надеждой согрета –
тыква вместо кареты,
кони - шестерка мышат.

Где-то на краешке света –
бал и огни дрожат...

Капельки легкого звона –
вечны – сказки законы,
время – с бала бежать.

Снова должна Сандрильона –
туфельку потерять...

Туфельки – хрупкие ножны
для ступни осторожной –
ложе из хрусталя.

Кто надеть ее сможет –
станет женой короля –

ранней порой весенней –
сказка, судьба, везенье,
тропка, дорожка, стезя...

Вечное вознесенье –
из нищеты – в князья...

Капельки легкого звона –
вечны – сказки законы,
время – с бала бежать.

Снова должна Сандрильона –
туфельку потерять...

СТРАНИЦЫ ПАРУС

***** Не знаю – как поднять страницы парус**

Не знаю – как поднять страницы парус,
на волнах дней качаться без весла,
забыть, что тень твоя судьбы касалась,
о давней помнить тайне ремесла

словесного – смесь плача и печали –
пророчествами радовать тетрадь,
забыв о горечи речей в начале,
что не сбылось – успеть в стихи вобрать.

Слов о тебе в Господнем лексиконе
не знаю – сколько, каково число,
ведя строку в торжественном наклоне,
и правя стихотворства ремесло.

Не знаю сколько слов – длинней, короче,
но ветви строк растут, сплетаясь в куст,
там ангел божий, там уста пророчат,
а без молитвы дом просторный пуст.

Но знаю я – высок поэта жребий,
когда, склоненного к застенчивым листьям,
лишь узкая строка – его, на гребне,
возносит лихо к тихим небесам...

За гранью дней стоишь, страниц изгнанник,
а мне – одолевать разлуки зло...
Слова ведет на брань небес избранник,
и вымыслами – правит ремесло.

***** За старинною далью – парус**

“А серебро пророчит всем печали...”
М. Кузмин

Вечер – чистое дня ребро,
горизонт закатом прострочен,
утоли печаль мою – серебро,
говорят, печали пророчит.

Милость малую – можешь дать,
Слово дать – вместо вещи,
чтобы вместе могли наблюдать
мы на блюде – приметы вещи,

чтобы зеркала стыла сталь,
на устах – пророчеств усталость,
на старинной картинке – даль,
за старинною далью – парус,

там, на мачте – мечты венки,
там у лодки – смолисто днище,
вечен парус, что одинок –
что-то вещее – тоже ищет...

***** Страница сегодня – Мария**

А снег уже цвета извести,
осыпавшейся со стен,
мой ангел, пропавший без вести,
на стенах твоя лишь – тень.

На стенах, в глухом предместье,
где лишь небосвод высок,
сегодня – с Благою Вестью
ты мне принеси цветок.

И встань над страницей слева,
и раствори уста,
страница сегодня, как Дева,
без песни твоей – пуста.

Вспомни, как мы творили

слово Благое – вслух,
страница сегодня Мария,
над коей витает Дух.

Прочти же ту осторожную,
растущую как прибой,
в Евангелие, том дорожном,
строку... Не прочти – пропой...

***** Вспыхнувшей страницей...**

На годы с тобою – связана, с птицей
так связана ветка –
соблазном слова в странице,
вереницею писем редких,

всем, чем тебе обязана – крупницею
слова меткого,
пронзенного времени спицами
сквозь веток рогожу ветхую,

жизнью – детской картинкою,
на облаке кем-то выжженной,
там ангел поет под сурдинку
над платом заката рыжего,

там смотришь ты исподлобья,
завоевав право –
остаться Божьим подобьем,
ангелам равным,

связанным с чьей-то судьбою,
как с веткою связана птица,
как связана я с тобою –
вспыхнувшей страницей...

***** Над страницей розовой**

Отгорожусь тишиной от молвы,
перечитаю посланья Святые,
пересчитаю те дни, что мертвы –
станут светлей анфилады пустые.

Столбик минуты спадет, словно прах,
стрелок мила угловатая поза,
словно прощание, короток взмах
дальних зарниц над страницей розовой.

Кто-то, над жизнью имеющий власть,
медленных слов на прощанье не просит,
векам тяжелым так просто упасть –
медленных взглядов он не переносит.

Перед тетрадкой – в ночные часы...
Строки пробелом затянуты дымным,
крыльев, белея, качнутся весы –
будущих дней, пролетающих мимо.

Отгорожусь от молвы тишиной,

слово в пустые летит анфилады,
перед последней неделей Страстной
только молитвы – надежна услада...

***** Богородица – с иконы смотрит на страницу**

Порою, тишина, как пытка,
мешает голос стихший вспомнить,

пространство комнаты – попытка,
попутно, стать лишь той из комнат,

где половицы у причала
реки времен ошибкой скрипнут,

где прежде музыка звучала,
но некому сегодня всхлипнуть

о том, кто к древу не воротится,
где грешно яблоко круглится,

где вешним утром Богородица,
с иконы смотрит на страницу,

где двери вздох, как Дух Господень,
строка растет там райской веткой,
где – меж тобой и мной сегодня
лишь дождь висит нездешней сеткой...

СТРОКИ ВЗДРОГНУЛИ ДУГАМИ

***** Строки вздрогнули дугами**

Строки вздрогнули дугами,
стали, как жизнь, неровными.

Может, в моем недуге
имя твое виновно.

Об этом гадать не стоит...
Жизнь, до первого наста,

имя твое святое –
перечеркнет крест-накрест.

Имя твое на мгновенье
вспыхнуло и погасло.

Дали твоей дуновенье
доле моей опасно.

Строка моя, волоса тоньше,
ведет от тебя все дальше.

Печаль моя длится дольше,
я к смерти причалю – раньше.

***** Строк сосуды**

Здесь – журавлей отжурчало соло,
здесь – глуше сон монастырских башен,

с помощью Духа святого – глаголы,
словно мельницы, крыльями машут.

Равный мне ветер – подыщет слово
в травах, в оправе которых – избы.
Травы собираю для люда чужого,
песней родной разбавляя известь,

ту, с которою память глохнет,
строк зак'упорены сосуды,
Слово – льняною заплатою сохнет,
ожидая расправы Судного

дня – очертанья его на фресках,
разделены святые – и грешники,
кто-то уходит в выси небесные,
кто-то падает в адские бреши,

кто нам подымет уставшие вежды,
кто нам посыпет краюху солью? –
всюду беспамятные невежды,
нам же – слово отыскивать с болью...

***** Журавлино трубят строки, взяв высоту**

Журавлино трубят
строки, взяв высоту.

Провожая тебя
в свет, или в темноту.

Рельс веселая сталь,
да вагоны пусты.

я крещу только даль,
за которою – ты.

Осентяющий жест
вслед тебе – невидим.

Рельс над далями – крест,
сиз над рельсами дым.

Весть пуцу, как пращу,
эхом – вздох пустоты.

Только даль я крещу,
за которою – ты.

Осентяющий жест,
воссияют кусты.

Охраняющий крест,
страж твоей высоты,

за тобою вослед,

как стрелу отпущу.

Даль рассеянных лет
из России крещу...

***** Строки, из света св'итые**

(к портрету Зинаиды Гиппиус)

Перечеркнув белый
холст,
во весь несмелый
свой рост,

тенью точёной
вытянулась
утончённая
Гиппиус.

Взглядом зелёным,
из-под век,
глядит утомлённо
Серебряный век.

С осиной фигурой
узкой –
хранительница культуры
русской.

Но прежде чем точкой
стихи завершу,
найду ее строчку
которой дышу...

Строки, из света
св'итые:
“Стихи поэта
любого – молитвы...”

***** Строкам жития не дано сгореть**

*“Не говорите мне о вечности –
Я не могу ее вместить. О. Мандельштам”*

Строкам жития не дано сгореть,
строкам сохраняющим влагу речную
иордановых струй, чтоб тоску ночную
пламенем гнать, чтобы душу греть.

Чтоб мы могли с тобой говорить,
птицам небесным равны в беспечности,
о самом насущном, вернее – о вечности,
о том, что душе не дано – вместить.

Чтобы в глазах сохранялся страх,
чтобы дни становились строже,
чтобы мы взвесили осторожно
наши две вечности – на весах.

Чтобы я, наклонясь через стол,
глядя в глаза, терялась в просторах
вечной души, позабыв о раздорах,
только боясь, как бы ты – не ушел...

***** Веду ли – лучом пера по строкам...**

*“Человеческие губы <...>
сохраняют форму последнего
сказанного слова...” О. Мандельштам*

Веду ли – лучом пера,
по строкам, по бездорожью,
радостно, иль осторожно –

молю, чтоб на твой порожек
мысль моя забрела.

Что же еще сказать,
словом каким приголубить? –
Ангелов вскинулись трубы,

чтоб не сгубили губы –
последнюю благодать.

Утренний голос твердит
слова молитвы охранной –
Евангеля, Веды, Кораны –

блаженства живою раной
последнее слово горит.

Слепок с Вечности снят –
поздней строки основа,
душа к тишине готова,

форму последнего Слова –
губы певца сохранят...

***** За соломинку строки держусь я**

Как уйти от твоего огня? –
стынет даль, где твой закат играет.
Как прильнуть к тебе, чтоб не кляня,
ты сказал, что ты достигнул рая.

Твой закат играет, как вино,
твой ледок – осколками разлуки.
Ах, не все ль равно, если давно,
как рабыня я целую руки.
Трав моих волну – серпом скосил,
за соломинку строки держусь я
в час, когда у слов не хватит сил,
в час когда пойму – тебе молюсь я,

в час когда, как тишина прильну
к дали той, где твой закат играет,
твой огонь последний – не кляню,

по твоей черте иду, сгорая.

Всплески слов твоих, как плески волн,
медленны, тихи, ленивы, скупы.
Тишиной твоею день мой полн,
в небесах моих – твой образ хрупкий.

***** Строку вскрывая, как вскрывают вены**

Нет, мы уже не убежим туда,
где вечных льдов соленая слюда
нас отрезвит, где станем вдруг бездомны,

но мысленно туда меня верни,
в то прошлое, чтобы в его тени
душа росла, как окоём бездонный.

Лишь потому я так верна тебе,
что в жертвенной торжественной судьбе
остался ты – единственный свидетель.
Лишь ты один способен вспоминать,
лишь ты один сподобен нанизать
на спицы времени отсчитанные петли.

У наших вздохов есть эпохи три,
но первую, начальную – сотри,
строку вскрывая, как вскрывают вены,

остановив единственный тот день,
когда на циферблат упала тень –
на миг – Господнего благословенья.

Другие дни упреком не черни,
и не стирай то зернышко чернил,
растущее порой прощальным словом.

Мы все равно с тобой придем туда,
на суд последний страха и стыда,
сквозь прошлое – начальную основу...

***** Силе этой – строка послушна**

Есть услада – услад превыше,
силе этой – строка послушна.

Бог далек, только Он услышит
глас того, кто Далекому служит.

Кто из Божьих рук горечь выпьет,
а его – предадут и бросят,

как тебя – продадут в Египет,
где возвысишься ты, Иосиф.

Есть врата. Есть глухие оконца,
за которыми нет надежды,

где от страсти – жена царедворца
обрывает с раба одежды.

Но лохмотья стновятся ризой,
за которую – бросят жребий...

Если ты, как Иосиф, призван,
то молитвы твои – на небе...

СЮЖЕТ ВСЕГДА ОДИНАКОВ

*** Сюжет всегда одинаков

Сюжет всегда одинаков –
из тысячелетней были,
ласков, идет Иаков
через пустыню к Рахили.

Тяжки протяжные мили
с черствым в котомке хлебом,
отрадою – сон в Вефиле
с лестницей Божьей до неба,

да час тот, когда придется,
сбросить усталость-скорлупку,
встретивши у колодца,
Рахиль, подругу, голубку...

Иаков, заложник обмана,

герой легенды истертой,
в жестких руках Лавана –
станет невинной жертвой,

Иаков, изгнанник отчизны,
герой рассказов коротких –
встретит готовность к жизни
в Рахилиных взорах кротких...

***** Что дальше – за тишиной...**

Мои прорастут вопросы,
как ворс твоей тишины,
ты – словно прекрасный Иосиф –
мои разгадаешь сны.

Тоскою всхолмлены складки
на ткани моей судьбы,
ты знаешь ее разгадки,
но вечной загадкой – ты.

Ты – понимаешь узоры
и мыслей цветущую вязь...
Дней наших прозрачны озера,
но прервана времени связь.

И если уйду я раньше,
ты следом пойдешь за мной,
мы вместе узнаем, что дальше,
что дальше – за тишиной...

***** Дева склонится, как деревце**

Дева склонится, как деревце,
к вечным небесным дарам.
Вводится царственно Д'евица
в Ерусалимский храм.

Вслед по ступеням зыблется
свет от высоких лампад.
Деве сквозь время видится
Вечности детский взгляд.

Вводится Дева по лестнице –
лестнице без перил...
Вестник видится Вестнице –
будущий Гавриил.

По горней дороге вводится,
в горницу, в крылья дверей...
Будущую Богородицу
славит седой иерей.

Дева ведется вдоль линии
вечно горящих свечей.

Свет внутри будущей Скинии
светится – все горячей...

***** Белый дом твой казался храмом,**

Белый дом твой казался храмом,
звал зигзаг дороги – к тебе,
но дорога дрогнула шрамом
на твоей и моей судьбе.

Ты устал, я стала стальной,
ибо если голос мне дан,
то отобрано остальное,
или отдано небесам.

Над устами дымок пророчеств,
за плечами чудит печаль,
я гляжу в дали синих строчек,
глаз твоих забывая даль,

ибо если тянусь струною
от тебя, от земли – к небесам,
отступает все остальное –
кто-то избран, а кто-то зван...

Белый дом был когда-то храмом,
там в руке отдыхала рука,
та дорога дрогнула шрамом –
а была, как рок, широка...

***** Память легка и прозрачна,**

Память легка и прозрачна,
как мед, когда растопили.

В час никем не назначенный
в душе пробиваются были,

словно лучи за тучами,
линиями простыми.
В жизни – усталые мученики –
мы не стали святыми.

Божье – легко нам бремя,
если зовется судьбою.
Не остановится время,
пройденное с тобою.

Нет, не святые, но помощи
перед иконою просим,
молитва приникла к полночи
лебединым вопросом.

К вечности все же – причастны,
время становится легче,
жизнь нашу вскинет Пастырь,
словно агнца – на плечи.

***** Мне каждый день дано**

Мне каждый день дано,
гадая – умереть

под небом, что давно
глядит в земную твердь.

Я не делю с тобой –
ни стол, ни дол, ни хлеб,

над воском, над судьбой
стоишь, гадатель – слеп.

Нам не заговорить
тех неопятных прях,

старух, что тянут нить,
вытягивая страх.
Как луч звезды, взгляд кос,
вопрос – не утолить,

тускнеет жизни лоск,
чтоб воск над чашей лить,

чтоб вить веретено,
гадая – умереть
под небом, что давно
глядит в земную твердь...

К Покрову

Осень, быть может, это – лишь край
ткани прозрачной с каймой обгоревшей,

чуть прикрывающей брошенный Рай,
нас, огрубевших, когда-то согревший.

Осень, быть может, это – косяк
двери, от ветра запевшей негромко.
Осень, быть может, это – коса,
листья сбивающей первой позёмки.

Осень, быть может, это – лишь гость,
странник, тебя обогоняющий где-то.
Осень, быть может, это – лишь горсть
жаркой рябины, Мариной воспетой.

Осень, быть может, это – лишь клин
ткани прозрачной, сбитой из хлопьев,
всхолмленной снежно на спинах рябин –
Божьим Покровом, его подобьем.

Осень, быть может, это простор,
свет воцарившийся там, за околицей
лентой закатною – как омофор,
свет невесомый в руках Богородицы...